

"Фрэнк здесь", - пробормотал я про себя, встав на цыпочки и выглянув в окно, чтобы посмотреть на его бойкую походку по заросшему сорняками тротуару.

Не дядя Фрэнк и даже не Фрэнк. Я не мог выговаривать буквы "р", как все остальные, поэтому Фванк был и оставался им всегда. Непокорные волосы цвета соломы, резкая линия челюсти и тонкие губы создавали его красивое и немного мальчишеское лицо. Мама всегда называла его своим красивым братом, хотя он был ее единственным братом. Ее младший брат, всегда напоминала она.

В утро моего шестнадцатого дня рождения Фванк явился в своем обычном костюме в серую полоску, синем галстук, черных подтяжках и темно-серой фетровой шляпе. Никто из мужчин больше не носил шляп, и меня это всегда интриговало. Всегда, то есть во время его ежегодных визитов, которые обычно приходились на мой день рождения.

Он говорил: "Дольчеца, я хочу, чтобы ты пошла со мной выбирать подарок на день рождения". Мама настояла на том, чтобы пойти с ним. Позже он сказал мне, что подкинул сестре красную селедку, но я не стала спрашивать, что это было, потому что знала только одно: она не пошла с нами, и я была рада.

Через два часа мы снова были в моей блестящей красной машине с белой наклейкой на окне. У меня была новая машина и два часа Фванка в моем распоряжении.

Мы припарковались перед домом. Он повернулся на своем сиденье и сказал: "Это твоя машина. Не позволяй ей забрать ее у тебя. Понял?" Я кивнул в знак понимания. Хотя я никогда не признавалась себе в этом.

Он оставил мне комплект ключей, но взял второй комплект, потом обнял меня на прощание на обочине и уехал.

Мама ушла на прическу и маникюр, но по возвращении первым делом спросила, где лишние ключи. Я сказала, что они у него, и ее лицо нахмурилось. Она даже не поздравила меня с днем рождения.

Меня звали не Дольчецца, и я не знала, что оно означает, но мне нравилось, как оно слетало с его языка... Доль-чай-за. Это было, конечно, лучше, чем неблагозвучное имя Бетани.

Мама рассуждала о его деньгах и сказала мне драматическим заговорщическим шепотом, что она могла бы разоблачить его как гангстера, но, будучи ее братом и все такое, она этого не делает.

Но я знала, что она была равнодушна к Элиоту Нессу. Вот почему она бессонными ночами крутила по кругу потрескавшиеся черно-белые "Неприкасаемые". Ей просто нужно было романтизировать, что кто-то в ее жизни был мафиози, или, что еще лучше, что она была важна в его жизни.

Неважно, я купилась на это, и после этого он стал для меня Грязным Фванком. Правда, мне казалось, что фетровая шляпа делала его более гангстерским. Я смотрел несколько шоу "Неприкасаемые", так что я был подкован.

Я ждал Грязного Фванка на свой восемнадцатый день рождения, но он не пришел.

Неплохо, что мой день рождения был в июле, во время летних каникул. В дни рождения, выпадающие на учебный год, хотя бы устраивали вечеринку с домашними кексами и блестящими разноцветными шляпами. Что еще хуже, Грязного Фванка все еще не было.

В свой девятнадцатый день рождения я не возлагал больших надежд. Мама всегда поглаживала свою прическу и говорила мне: "Бетани, Фрэнк всегда был таким. Мы никогда не могли на него положиться. Но у нее никогда не было кексов или подарка для меня. Значит, она всегда была такой.

Я просто хотела его присутствия, а не подарка. Он был моей скалой в море маминой мешанины и пренебрежения. Моя лучшая подруга в старших классах сказала мне однажды, что я живу в мелюзге у себя дома. Она никогда не знала и половины этого.

К своему двадцатому дню рождения я даже не думала о том, что он может появиться. У меня как раз начались летние каникулы в местном техникуме косметологии, потому что я собиралась стать парикмахером.

В то утро на мой адрес пришла посылка, завернутая в мятую фиолетовую бумагу и оранжевую бечевку, адресованная Дольчезе. Я осторожно развязала и развернула, чтобы сохранить обертку.

Это был сотовый телефон с запрограммированным номером его телефона. К нему прилагалась записка, написанная нацарапанным почерком, гласившая...

Позвони мне в полночь.

Я показал маме телефон, но не записку. "Посмотри, что дал мне Грязный Фванк".

Но она только взглянула на него, ничего не сказала и скорчила гримасу, растягивая губы по зубам, чтобы нанести свою красную помаду. Раньше я думала, что она грустит из-за того, что не может позволить себе ничего для меня, но, по-моему, она совсем не грустила по этому поводу. Ее никогда не беспокоило, что ее дочери приходится носить в школу одежду из магазина. Я была рада, что когда я поступила в техникум, мы должны были носить форму на занятиях по косметологии. Это был первый раз, когда я выглядела как все.

Папа ушел от нас раньше, чем я его знала, и хотя она работала на двух работах, у нас никогда не было достаточно денег ни на стрижку для меня, ни на одежду или обувь, ни на Рождество,

ни на день рождения. Все, чего мне оставалось ждать, или быть несчастным, - это редкие визиты Грязного Фванка.

Говорят, что нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было, но я был очень рад стать таким же, как другие, и наконец-то иметь свой собственный телефон.

Мама работала в ночную смену и уходила в одиннадцать, так что мне пришлось ждать еще час, чтобы позвонить. Я нервно постучала по значку телефона под его именем.

"Дольчецца".

"Да".

"Мне жаль, что я пропустил твой день рождения".

"День рожденияссс", - выделила я и растянула букву "с" в конце, чтобы он понял, что я уже выросла, а он все пропустил.

"Да-да, прости, я пропустил несколько, не так ли?". Его голос лился по телефону как мед, сладкий и успокаивающий.

Я кивнула, из моих глаз полились слезы. Я не знаю, почему он стал так важен для меня. Он редко появлялся рядом, а когда появлялся, то всего на несколько часов, и снова пропадал. И все же он был моей опорой.

Мы никогда не знали, где он живет, но мама думала, что, наверное, с другими бандитами, и что лучше нам этого не знать, чтобы не пришлось вступать в какую-то государственную защиту, а потом отказываться от своей личности и никогда больше не общаться с семьей или друзьями.

Так что, я думаю, это было хорошо, что мы не знали.

"Дольчецца?"

"Да?"

"Ты злишься на меня?"

"Да. Нет", - замялась я.

"Так ты, наверное, сейчас в колледже?"

"Технический колледж. Я собираюсь стать парикмахером".

"Как твои оценки в школе?"

"Я получала одни пятерки. Мама говорила, что я всегда была умной".

"Ты очень умная, дорогая. Чем бы ты хотела заниматься?"

"Я хочу быть учителем".

"Хорошо. Очень мило."

"Я думаю, твоей маме трудно найти деньги для тебя. На учебу, я имею в виду".

"Я работаю в закусочной и сэкономил, и теперь я могу платить за школу и работу".

"О, Дольчецца." Я услышала громкий вздох. "Когда у тебя летние каникулы?"

"Прямо сейчас. Только что начались."

"Я заеду за тобой в субботу утром. Скажи своей маме".

Я кивнула.

"Мне нужно идти. Используй этот телефон и номер в любое время, когда я тебе понадобится. Неважно, что. Позвони мне. Даже просто чтобы поговорить".

Я кивнула. Мои глаза снова потекли. Затем я фыркнула.

"Не плачь".

"Я и не плачу", - прохрипела я. Он вздохнул и повесил трубку.

На следующее утро я сказал маме, что Грязный Фванк заедет за мной в субботу утром.

Два дня пролетели незаметно, и наступило утро Фванка. Я так и не позвонила, поэтому вчера вечером он прислал смс с указанием времени.

Она не только не спросила, но и не сказала, как долго меня не будет, но это не имело

значения, поскольку у меня было мало собственной одежды, чтобы упаковать ее, а все новые вещи она хранила в своем шкафу. Все ушло в старый побитый коричневый чемодан, который я нашел на чердаке.

"Ты следишь за тем, чтобы Фрэнк покупал тебе вещи... Я не знаю, девочка... Ты всегда была умной, но иногда туповатой", - сказала она мне на прощание тем утром перед уходом на работу. Она часто говорила мне это, но сейчас я не знаю, что послужило причиной, да и мне было все равно.

Я вся дрожала от волнения, пока ждала у окна. Он подъехал к обочине, я закрыла за собой дверь, а он уже забрал мой чемодан и укладывал его в машину.

Я остановилась и уставилась на него. Это был первый раз, когда я увидела его без шляпы и пиджака. Его галстук был ослаблен, подтяжки застегнуты, а рукава ослепительно белой рубашки закатаны до локтей.

Он открыл свою дверь и облокотился на крышу. "Ты идешь или нет, Дольчецца?"

<http://erolate.com/book/2669/62790>